

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ЕЛЕНА
ПЕРУШИНА

НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

← : ⇌ → Mystic & Fiction ⇌ : →

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

Москва, 2019

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

П 265

Составитель серии Иар Эльтеррус
Художественное оформление серии К. Прокофьева
Обложка О. Ветловской

Первушина Е.

П 265 Невидимый город. – М.: ИД «Флюид ФриФлай», 2019. – 864 с.

Далеко не всегда по-настоящему близкими являются близкие по крови, чаще таковыми становятся близкие по духу. Однажды в стране, которой много лет правили короли-маги, их власть рухнула и воцарился хаос. Спасая свою жизнь, несколько человек случайно оказались в провинциальном замке, желая найти безопасное укрытие. Они по-разному относились друг к другу, но постепенно осознали простую истину: выжить они могут только вместе. Только отбросив старые предубеждения и научившись подставлять другим не подножки, а плечо. Каждому пришлось чем-то пожертвовать, чтобы найти свою дорогу в новом мире и понять, что эта дорога — общая, одна на всех.

ISBN 978-5-906827-37-1

© Елена Первушина, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

ΥΜΠΙ,
ΒΕΔΩΜΑ!

Три темноты, которых следует избегать женщине, —
темнота ночи, темнота леса, темнота тумана.

Кельтский фольклор

Прочь, ведьма, прочь!
За гнилые болота,
За пни и колоды,
Где люди не живут,
Собаки не лают,
Петухи не поют,
Там тебе место.

*Славянский
фольклор*

Паденье — неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.

Осип Мандельштам

ΠΡΟΛΟΓ

Лето. Страсть

Ночь была такая, что вытяни руку — и пальцев не увидишь. Даже Меч Шелама — сверкающая полоса на небе — повернулся сегодня лезвием и казался лишь цепочкой тусклых жемчужин. Притихла, заснула маленькая лесная крепость. Вздыхая, рылись в сене коровы, вздрагивали во сне псы, изредка негромко плескала в реке рыба, да потрескивал на берегу маленький, желтоглазый, умело сложенный костер.

Человек, лежавший у огня, поднял вдруг голову и осмотрелся. У кустов, не приближаясь к границе светлого круга, маячила какая-то тень.

— Ты что здесь делаешь, пигалица? — сурово спросил человек.

— Не спится, — донеслось из темноты.

— Младая грудь томится? Гляди, добродишься — отец проснется.

— Ничего, небось не проснется. Погреться у тебя можно?

— А с чего это ты озябла? Говори путем, зачем пришла.

Или спать иди.

— Я спросить хочу. Клайм, я тебе нравлюсь?

— Откуда мне знать? Я тебя и не вижу толком.

— Так мы лет десять, почитай, знакомы.

— То-то ты десять лет от меня по всяким темным углам и прячешься. Хочешь, чтоб я тебя увидел, — иди ближе.

Из темноты в неверный свет костра послушно вынырнула, махнув подолом нарядной юбки, девушка. Остановилась, теребя кончик бледно-рыжей косы, потом потянулась рукой к пестрым пуговицам на кофточке.

— Да погоди ж ты! — поморщился мужчина. — Хочешь, чтоб у всех водянников глаза от любопытства повывлазили? Стой смирно, я и так все, что надо, вижу.

И, окинув критическим взглядом ее фигурку, заключил:

— Ничего. Толк будет. Скоро совсем созреешь. И достанется все это добро какому-нибудь славному парню, который отлично умеет выбивать перины.

— Ничего ему не достанется, — сказала девушка.

Она, не дожидаясь приглашения, опустилась на колени и протянула руки к огню.

— Вот как... — протянул мужчина, забавляясь. — Что ж ты без мужа делать будешь, юница неразумная?

— А ты меня обольсти.

— Ага. Я — тебя, а ты — меня. И будем мы навек друзья. Не получится, милая. Я на тебе не женюсь. Колдуну жениться смысла нет. Дома мне не надо: мне весь лес — дом. А женщин на свете много.

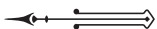
— Да ведь и ты не единственный тут мужик, Клайм, — сказала девушка, улыбаясь. — Не единственный и не самолучший. Да я и не прошу тебя сватов слать.

— Так что ж тебе надо, в третий раз тебя спрашиваю?

— А я понову отвечаю. Не спится. Хочу с тобой спать.

— С чего ж это?

— Девки говорят, ты это здорово умеешь. Вот я и хочу проверить. А потом уходи — за штаны тебя держать не буду.

— А есть хоть с кем сравнивать? Да не красней ты, я же сам все узнать могу.

— Вот и узнай.

— А отца не боишься?

— А ты?

— Ох, рот-то тебе и вправду пора заткнуть. Ну, иди сюда, обольстительница.

Осень. Власть

Такого, чтоб пес забежал в храм Пантеон перед самой коронацией, еще не бывало. Впоследствии это сочли дурным предзнаменованием.

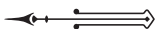
Но сейчас маленький кудлатый черныш повизгивал, жалуюсь на холод, и жался, будто нарочно, к пьедесталу статуи Вольпана — покровителя охоты. Молодые служки не знали, что и делать.

Наконец один из старших жрецов махнул рукой и, пригрозив незваному гостю пальцем, велел: «Тихо сиди, а не то попросим твое сиятельство отсюда метелкой!» Песик, к немалому удивлению служек, тут же замолчал, припал к усыпанному тростником полу и благодарно забил хвостом.

На том и порешили. В осенние праздники и людям, и зверям позволялось многое: никто не знал, сколько из них не доживет до весны.

Осень в этот раз выдалась ранняя, холодная. По узким улицам столицы вольно гулял западный ветер, и люди, толпившиеся у дверей храма в ожидании молодого короля, стучали зубами и дули на замерзшие пальцы.

В храме было не теплей.

Сайнем, Сын Неба и Маг Солнца, нареченный на Острове Магов именем Вианор — Указывающий Путь, ставший совсем недавно Хранителем Равновесия Эона, втиснутый в одну из ниш толпой таких же «почетных гостей», все время ощущал спиной ледящее прикосновение каменной стены.

Нишу с ним делила маленькая бронзовая статуя — одна из трех сотен богинь и божков храма. Судя по полураскрывшимся цветам в волосах и знакам воды на одежде, то была богиня весеннего дождя.

Пар, заполнивший храм от дыхания людей, соприкасаясь с холодным металлом, превращался в капли, и Сайнему казалось, что маленькая богиня плачет. Он хотел бы утешить ее, но не знал как.

В храме звонко пели трубы, славя святость королевской власти. Их голоса металась под каменными сводами, создавая причудливое эхо и превращая торжественные гимны в бессмыслицу.

Короля облачали.

Кожаная куртка. Кольчуга. Серый плащ. Фибула в виде копья — на плечо. Пояс. Золотая цепь с рубином «Волчий Глаз».

Родственники короля: троюродные братья, сестры, дe-вери, невестки и свояки — выстроились в ряд, каждый со своим предметом в руках, и подносили их сначала Верховному Жрецу — для благословения, а потом наследнику — для облачения.

Королевская Семья. Хардинги. Почти все они собрались сегодня в храме, все уцелевшие в кровавых войнах за престол прошлого Эона. Все — и женщины, и мужчины — бывалые бойцы, волки-оборотни, много лет охранявшие Королевство от Напасти с Севера. От дивов.

Король был худеньким и бледным шестнадцатилетним мальчиком. Облачаемый в доспехи своего отца, он все больше и больше походил на огородное пугало. Он покорно позволял делать с собой все, что предписывали обряды, и только испуганно поглядывал на свою родню и жрецов Пантеона из-под длинной челки. Густые волосы до плеч — знак магической власти Королевского Рода — делали его лицо еще более длинным и худым. Если бы не надвигающаяся война, его, конечно, не стали бы короновать так рано.

Но облакопрогонники предсказывали малоснежную зиму. Северные реки будут по весне скудны водой, и летом голодные дивы вновь придут на землю Королевства.

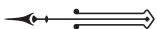
Вся столичная знать собралась, разумеется, тут же, и Сайнем чаще видел затылки своих соседей, чем короля. Впрочем, это не слишком его печалило. Главные герои сегодняшнего действия не переступали священного круга, в котором находились Королевская Семья и жрецы.

Нет, они стояли в первом ряду и сохраняли на лицах благочестивое и непроницаемое выражение, как и подобает людям, приближенным к великому таинству Королевской Власти.

Они — Кельдинги. Стакад Мудрый — бывший регент, Хильдебранд — его младший брат, главнокомандующий королевскими войсками, и Рагнар — сын Стакада.

Кельдинги сами не обладали магической силой, но умели приманивать удачу. Они были сказочно богаты. Владели землями лишь немногим меньшими, чем корона. Их зеленые одежды (родовой цвет) так и сверкали золотом. И они славились своей щедростью. Их, а не малохольного короля-оборотня, обожала армия.

И многие из стоявших в храме спрашивали себя сейчас: не поторопится ли новый король Кольскег Хардинг,

праправнук Харда Юного, расстаться со своими бывшими опекунами?

Тяжкие мысли, похоже, одолевали и учителя Сайнема — Хугина, Видящего Мыслью, Верховного Мага Солнца. Он также стоял в первом ряду чуть в стороне от Кельдингов, тяжело опираясь на посох и кутался в синий плащ Сына Неба.

Но больше всех сейчас интересовал Сайнема его сосед — Армед, гость с Севера, получеловек-полудив. Как узнал Сайнем в Башне Памяти Острова, Армед был младшим сыном дивьего князя и пленницы Королевского Рода. Кельдинги и жрецы сочли, что в нем достаточно королевской крови, и пригласили его на коронацию. А он не побоялся приехать.

Сейчас молодой чужанин мирно дремал, прислонившись к цветному витражу и сложив руки на груди. Очевидно, святость происходящего в храме таинства несколько его не трогала. Одет он был в рыжую меховую куртку (то ли лисью, то ли собачью), сверху донизу расшитую алым бисером, и казался огненным кустом рябины в сумрачном осеннем лесу. Из своей ниши Сайнем внимательно изучал лицо Армеда, отмечая про себя широкий лоб, тонкие губы, твердый подбородок и, пожалуй, демонстративно коротко остриженные темные волосы. И ясно видел, что проклятый недочеловек вовсе не прост, не туп да и, пожалуй, не слишком дик.

По знаку Верховного Жреца король преклонил колена, и Жрец возложил на его голову корону Харда — боевой шлем с оскаленной волчьей мордой на гребне.

Сайнем снова глянул на Армеда и остолбенел. Он сам не заметил, когда стал смотреть магическим зрением, и сейчас ясно видел знаки будущего на каждом, находящемся в храме. Край плаща Хугина лизали языки алого и голубого пламени. Сайнем понимал, что Маг творит сейчас какое-то могучее

заклятие. Корона Харда на голове юного короля светилась холодным мертвенным светом. Но ее живой двойник, сотканый из тончайших золотых лучей, сиял над головой чужанина-полудива.

Только теперь Сайнем осознал, что давно уже слышит негромкий рокот Колеса Судьбы — предвестье грядущих перемен.

Меж тем два брата и две сестры Кольскега вынесли на сером парчовом покрывале меч Хардингов. Он был не слишком велик — и все же неподъемен для рук простого человека. Лишь в руки короля он шел сам и лишь королю дарил силу снести бремя священной власти.

Кольскег поднялся с колен и бросил быстрый косой взгляд на регента. Тот ободряюще улыбнулся. Наследник взялся за рукоять. Смолкли трубы, и в храме воцарилась тишина. Слышалось только дыхание людей.

И вдруг тишину прорезал звон металла, ударившегося об камень. Король уронил меч.

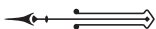
Казалось, все, кто был в храме, вскрикнули в один голос. Кольскег оглянулся испуганно, сжался, словно ожидая удара, но все же снова потянулся к мечу.

И снова выронил его или, как уверяли потом те, кто стоял в первых рядах, отбросил и затряс рукой, словно от ожога.

Меч отлетел за пределы священного круга и упал под ноги отпрянувшим людям. Рагнар бросился вперед, подхватил меч и, преклонив перед наследником колени, протянул ему оружие.

— Возьмите его, господин, — произнес он и, кажется, только тут понял, что сделал.

По храму прокатился ропот. Кольскег в третий раз протянул руку к мечу, но даже не посмел его коснуться и отступил

на шаг назад. Ропот превратился в настоящий вой. Лицо Кольскега перекосилось, он с криком скинул с себя шлем и рванул плащ. Хильдебранд первым понял, что происходит, и бросился снимать с Кольскега кольчугу. Молодой Хардинг кричал от боли. На его лице и руках вздувались пузыри ожогов.

Армед быстро взглянул на Стакада, затем на Верховного Мага и Рагнара, повернулся и стал пробираться к выходу. Сайнем последовал за ним.

— Тише! — напрасно взывал Верховный Жрец. — Пусть будет тишина!

Его перебил звонкий девичий голос. Одна из принцесс крикнула:

— Братья, спасайтесь! Здесь измена!

И Хардинги прыснули в разные стороны как стрелы Вольпана. Однако уйти не удалось никому. Оружие на коронацию приносить с собой запрещено: меч Харда не терпит соперников близ себя. А в храме как-то разом оказалось не меньше сотни солдат Стакада и Хильдебранда.

В пределе храма диву преградил дорогу стражник.

— Куда это тебя несет? — мрачно поинтересовался он, поглаживая алебарду.

Армед согнулся, приложил руку к животу и, скорчив жалостную гримасу, показал, как крутит ему кишки.

Стражник сплюнул:

— Что за жизнь такая? Знай, всякую нечисть сторожи. Скоро, верно, зад им подтирать прикажут, — грустно поведал он Сайнему. — Обожрался, видно, с непривычки. Ну пошли, дристун. Да не шали у меня, вперед иди.

Армед благодарно закивал головой. Правой рукой он придерживал занедуживший живот, а левой осторожно вытягивал из рукава кинжал. Сайнем быстро засунул руку за

пояс, сорвал завязку с маленького кожаного мешочка, смочил пальцы и окликнул стражника.

— Эй, топгыга, подожди-ка!

Стражник, обернувшись, буркнул:

— Ты тут еще...

Сайнем брызнул ему в глаза. Стражник удивленно зевнул, кулем повалился на пол и сладко захрапел. Сайнем нагнулся, снял с пояса стражника фляжку и вылил ему на одежду больше половины содержимого.

— Ты чей такой? — спросил Армед на языке Королевства.

— Я теперь твой, — ответил Сайнем.

Но тут двери в придел наконец вывалило еще полдюжины солдат, и чужанин с волшебником дикими котами выскочили за порог и нырнули в толпу. На бегу Армед скинул куртку, под ней оказался простой темный камзол, какие носили подмастерья или писцы Королевства.

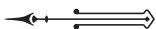
Поплутав по темным переулкам и (стараниями Сайнема) сбив погоню со следа, они остановились на маленькой треугольной площади. Армед свистнул, и из темноты бесшумно появились трое дивов. На Сайнема они даже не взглянули.

Чужанин повернулся к волшебнику.

— Зачем ты помог мне? — спросил он. — Какую плату за это хочешь?

Сайнем улыбнулся.

— Я маг, Хранитель Равновесия. Я должен следить за тем, чтоб маги не колебали своей Силой основы мироздания. Только что в храме этот закон нарушил Верховный Маг. Его Сила перед моей — как солнце перед свечой. Я не смогу его покарать, а вот он меня уничтожит с легкостью. И я подумал: если вы сегодня не захотите выезжать из столицы через главные ворота, то я покажу вам иные выходы из города.

Армед покачал головой. Сайнем подумал было, что совершил ошибку, вновь потянулся за сонным зельем, но див неожиданно сказал:

— Хорошо. Ты быстро соображаешь, лучше будет держать тебя поблизости.

Один из воинов что-то спросил на своем языке. Армед нахмурился:

— Здесь не говорят живые слова. Говорите на языке таори-мертвых.

— Что в храме? — медленно выговорил воин.

— Кольсег не смог поднять меч. Меч взял Рагнар. Думаю, к вечеру у нас будет король из Кельдингов. Всех Серых переловили в храме. Завтра их прилюдно остригут, чтобы лишить Власти. А тех, кто будет сопротивляться, казнят. Меня стричь уже некуда, и они начнут сразу с топора. Что вы на это скажете?

— Ты кровь людей и кровь таори, — ответил спокойно воин. — Твоей земли там нет. Она здесь, под властью мертвых. Зачем спрашиваешь?

Армед снова покачал головой:

— Ладно. Я беру этот жребий. Украдите лошадь для волшебника.

* * *

К полуночи они нагнали всадника со знаками королевского гонца на одежде. Дротик дива пронзил ему горло, и всадник, не вскрикнув, свалился под копыта лошади.

В сумке он вез письмо дивьему князю, в котором Стакад просил о перемирии, сулил богатые подарки. Сайнем прочел письмо дивам.

Армед усмехнулся:

— Что ж, я сам привезу эту весть брату.

Сайнем закрыл мертвому гонцу глаза и вскочил в седло.

* * *

Черный песик тоже тихонько выскользнул из храма среди всеобщей кутерьмы. Он отбежал в сторонку, в темный двор, где прохожие частенько справляли малую нужду. Покрутился, ловя собственный хвост, и превратился в человека.

Народ у храма все не расходился, шепотком передавая друг другу жутковатые слухи. Оборотень задержался на минутку у лотка крамаря — уличного торговца. Купил медное ожерелье с талисманами Дея и Дейи — Рыжих Близнецов, Защитников Безоружных. На ожерелье рыжие лисицы Дейи гонялись за сороками Дея.

Утром оборотень вышел из города через скотопрогонные ворота. Застава, поставленная ночью Стакадом, не обратила на него внимания. Крестьянин как крестьянин. Поташил домой ворох новостей об одержимом злыми духами Кольскеге и чудесном избрании короля Рагнара.

Больше оборотень в этой истории не появится. Но вспоминать его будут частенько.

Зима. Страх

Кали долго сбивал в сенях с валенок мокрый снег, потом, едва не застонав от облегчения, нырнул наконец в блаженное тепло дома.

Спасибо Шеламу, Глас, похоже, с печи не слезал, не играл с угольками и даже к вьюшке не лез. Сидел себе спокойно на лежанке, забавлялся со старой рукавицей: засунет руку в дыру, покажет самому себе кулак или фигу и знай хочет да пузыри пускает от восторга. Только седые волоски на макушке трясутся.

Кали всегда боялся оставлять деда одного. Вернешься домой — а от избы одно пепелище осталось. Пожаров, правда, еще не случалось, а утару веселый старичок уже напускал. Ему-то хоть бы что, а у Кали долго потом голова гудела, пока всю дурь из дома не выветривал. И опять же — тепло терять. А дрова-то в Шеламе рубим! Но сегодня пронесло.

Он скинул полушубок, развязал котомку и вытряхнул на стол сегодняшние покупки: новые иглы, связки бус, лоскутки крашеной кожи, выклянченные по бросовой цене у сапожника, да связку восковых свечей.

И покривился мрачно, вспомнив, как цокнула сегодня языком рбая Дагмар, когда отдавала ему свечки: «Видать,

у колдунова внука деньги водятся, и немалые, коли он так роскошествует!»

Пришлось притиснуть любопытную бабу к кадушке с грибами и прямо тут же, в погребке, быстро обработать ее, пока болезный супруг надрывался кашлем наверху. Теперь, небось, язык распускать не будет. Да и к слову сказать, не так уж плоха была она, Дагмар, даже и у кадушки. А свечки, конечно, дорогие, но как без них?

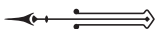
Днем на старого чокнутого колдуна можно просто не обращать внимания. Кали быстро научился разговаривать сам с собой и сучал не сильно. Но по ночам Глас начинал вдруг скрипеть зубами, стучал кулаками в печную трубу и приговаривал жалобно: «На голову! На голову не лезьте только! Погодите! Да говорю ж вам, погодите ужо! Всем, всем работу дам!»

Кали на полатах лежал ни жив ни мертв идохнуть лишний раз боялся. Он хребтом чуял, что это не сумасшедший бред, что кто-то еще, кроме них с Гласом, есть в избе.

Но и сбегать отсюда, потратив зазря столько сил, не хотелось. А ну как Гласу не сегодня завтра это мученье надоест, и он все же надумает расстаться с колдовской Силой и помереть?

И достанется все какому-нибудь дураку прохожему. А Кали так и будет всю жизнь мастерить обереги из кожи, меха да бусинок, пока городские стражники до него не доберутся. Даром что колдунов внук, а Силы-то своей совсем никакой нет.

А что до всякой нечисти, колобродившей в избе по ночам, так и на них есть управа. И Кали с наслаждением стал выкалывать иголкой на каждой свечке шипастый круг — солнечный знак. Большой силы оберег. Говорят, даже островные маги его признают. Глас, свесившись с печки, наблюдал

за его работой почти осмысленным взглядом. Кали усмехнулся про себя.

— Слышь-ка, дед, что в городе говорят? — сказал он громко. — Король наш молодой, Рагнар, указ написал. Будто белая магия только та, что от Островных Магов идет. А прочая вся — черная и огненной смертью караться должна. Как бы тебе бороду-то теперь не подпалили.

Глас захихикал.

— Дурак, — внятно произнес он вдруг, — это они не за мной и не за тобой охотятся. Мы вроде мелкой мошки — не приметные. Это Островным Магам шеламцы поперек дороги встали. У шеламцев знаешь какая сила! Они душу как есть лесу продали. Я вот тоже хотел, да ошибся малость. А ты к моей силе руки не тяни. Ты, парень, вот что...

Он закашлял, закряхтел, чтобы потомить внука ожиданием, потом продолжил:

— Ты шеламца найди и ходи за ним, ровно нитка за иглой. Солдаты шеламца схватят, но жечь не будут. Нет таких дураков, чтобы своими руками колдуна порешили. Они его на земле колыями разопнут али к дереву привяжут, чтоб его голод с жаждой да само солнце убили. А он, пока Сила при нем, умереть не сможет. А ты будь поблизости, улучи момент да и подберись к нему. Он тебе Силу-то свою и отдаст, чтоб только помереть поскорей и не мучаться.

— Как же они его схватят, если он такой могучий? — ехидно спросил Кали.

Он ничуть не удивился тому, что Глас заговорил, словно разумный. Давно подозревал, что дед — та еще шныра.

— Да уж схватят, будь уверен. У шеламцев тоже слабина есть. Островные про нее хорошо знают, а тебе ни к чему.

— Да где ж я его найду, шеламца твоего?!

— Дурак, — спокойно повторил Глас. — И с кем только твоя мать тебя нагуляла? Пойди в ведьмачью ночь на перепутье к старым дубам, сделай себе в кустах ухоронку да смотри, что случится. Не будешь пнем, может, чего и высмотришь.

— Дед! — взмолился Кали. — Отдал бы ты мне сам Силуто! Что у тебя за жизнь такая, что ты так за нее цепляешься?!

Но Глас уже снова пускал пузыри и, бессмысленно улыбаясь, распевал: «Пока ямочку копали, поросеночки плясали!»

— Тьфу, чтоб тебя и вправду Шелам забрал поскорее! — Кали в сердцах стукнул кулаком по столу. — Ты, видать, будешь на костре гореть, а угольки к себе подгрести.

Весна. Прах

Ведьмачья Ночь всегда приходит неожиданно. Может, в последний заморозок, может, в ростепель, а может, и вместе с молодой травой выскочит из-за горизонта Олень-Звезда, замашет белым хвостиком, и все в мире замрет на мгновение. Остановит вечная Ткачиха свой челнок, посмотрит на землю и задумается: какой узор дальше выткать.

В такую ночь, если осталась в тебе хоть капля благоразумия, сиди тихо дома, затвори окна, двери и уста, до рассвета не ешь, не пей, не разжигай огонь в очаге, не смейся, не произноси никакого слова. И с первым лучом солнца дрова в холодной печи вдруг сами загорятся. Это значит — будет тебе на весь год удача. Увидело Солнце твое смирение и запомнило.

Но если нет покоя твоей душе, если в ней все время что-то темное возится, ноет, нашептывает: «Такая жизнь только коровам мила. Пожевал всласть жвачку — да и под нож. Должно быть что-то еще», — и если ты ради нездешней Власти готов всю жизнь под смертью ходить, — тогда иди в колдовские места. И будущее увидеть сможешь, и судьбу свою поменять.

И нет на всем Острове места волшебнее, чем Шелам — огромный лес, разделяющий земли Королевства и живых мертвецов — дивов. Никто и никогда еще не проходил Шелам насквозь, никто не знает, что скрывается в его дебрях.

Но говорят, что в Ведьмачью Ночь вся нечисть Шелама выбирается из нор и ухоронок и пляшет для Олень-Звезды. А луна и звезды садятся на деревья и смотрят на эти пляски. Сможешь поймать звезду — проси у нее чего хочешь.

А еще говорят, что на старой дороге — одной из семи древнейших дорог Королевства, что проходит по самому краешку Шелама, — в Колдовскую Ночь можно увидеть Дикую Охоту.

Еще до Харда Юного чья-то исполинская рука разбросала по Острову Стражей Года — огромные черные камни, неведомо кем расколотые пополам. Есть такие и в Королевстве, и на землях дивов. В Ведьмачью Ночь из Стража Года выходит белый олень и всю ночь скачет по дорогам острова, а на рассвете снова исчезает в одном из камней. И на землях вокруг этого камня следующий год будет добрым и урожайным: ни засуха, ни ранние холода не тронут посевы, а на людей и на скотину не нападет мор.

И каждую Ведьмачью Ночь за оленем гонятся оборотни. Дивы — рыжие волки и Серые — Королевская Семья. И тот, кто побеждает, — приносит удачу своей земле. Обратнейдивов больше, но Серые — сильнее, выносливей и злее. Оттого-то из года в год Хардинги и побеждают дивов, и Королевство стоит нерушимо.

* * *

В этот раз Ведьмачья Ночь задержалась, и Кали совсем извелся. Уже и последний морозец-внучек убежал вслед за дедушкой, и паводок сошел, и травка как оглашенная

поперла из земли. И отощавшая за зиму скотина, обвешанная оберегами, с протяжными стонами поплелась на пастбище.

Скотным духам в этот год жертв не приносили — боялись Островных Магов. Сами-то волшебники пока близ Шеламы не показывались: зачем им лезть в такое захоlustье? Но Солнце и так все видит. Да и донести на соседа — милое дело. Поэтому плошки с пивом по коровникам не ставили, под деревьями коровьи фигурки (детям лесным поиграть) не закапывали, белую лошадь для водяника в омуте не топили.

Вместо этого поставили пастуху не один раз, как прежде, а раза три. И он, осоловев от такого счастья, обещал, что все будет лучше некуда, и ежели какая нечисть к коровенкам сунется — он ее враз кнутом между глаз угостит.

Через пару дней, протрезвев окончательно, пастух кинулся к Кали и скупил у него все талисманы, не торгуясь. Сам бочонок браги прикатил, не пожалел. Кали за всю зиму столько не заработал, как в тот день. Однако и это его не радовало. Пастух ведь не на его обереги надеялся, а на Гласову силу. Все помнили, какой прежде дед был колдун. Пастухов деверь его на свадьбе не уважил, так он весь свадебный поезд в собак превратил.

После того, как Кали стал жечь по ночам меченые свечки, Глас притих, не кричал больше, не метался, только вздыхал тяжело. Да еще ходить стал под себя. Как Кали за ним не следил, а вонь в избе стояла изрядная. Кали подозревал, что дед над ним потихоньку издевается. Думал уже, не поморить ли голодом лихого старичка, да что толку? Пока дед по доброй воле силу не отдаст, все равно не помрет, а начнешь его по-родственному уговаривать, так он еще какую-нибудь пакость выдумает.

Но свершилось наконец. Сидел Кали как-то вечером на крыльчке и думал — не повыть ли на луну, раз уж жизнь

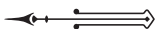
совсем собачья пошла. И вдруг увидел над лесом долгожданный хвостатый огонек. Долго размышлять не стал: все уже было передумано, и не раз. Припер понадежнее дверь, чтобы дедушка куда-нибудь не улизнул, и — в лес.

* * *

Ухоронка была за скрипучим старым кустом рябины в трех шагах от древней дороги. Кали загодя накидал на дно елового лапника, только без толку: хвоя сухая колени ки колола, а земля все равно обжигала каленым холодом. Не нравилось ей, видно, что сын ее не сидит смиренхонько дома, а прибежал выслуживаться перед нежитью, что приходит в наш мир из-за острой грани Меча Шелама. Сколько Кали ни бранил мысленно Прародительницу, сколько ни уговаривал ее льстивым шепотом, ноги будто ледяные крысы грызли. И покуда дышал на кулаки и стучал зубами, едва не пропустил главное.

Где-то вдали, за поворотом дороги, затренькали вдруг копытца. Тихонечко так, будто дождь стучал по камням. А потом над самой землей поплыл волчий вой. Стая басыла беззлбно, уверенно: гонят зверя, не торопясь. И лишь один звонкий голосок скулил, плакал-захлебывался, будто потерявшийся щенок звал мамку. Кали в комок сжался, рот себе ладонью заткнул, но все равно подполз поближе, чтоб лучше видеть. Такое редко дважды в жизни увидеть удается.

Из-за поворота, едва касаясь копытами земли, вылетел белый олень. Над кончиками его рогов плясали язычки темного пламени. След в след неслись огромными прыжками шестеро рыжих волков. И замыкал эту кавалькаду молодой серый волк. На бегу он прихрамывал, оступался и повизгивал, тогда один из рыжих, не останавливаясь, клацал зубами и глухо рычал. Дикая Охота пронеслась мимо старых дубов,

мимо ухоронки молодого колдуна и исчезла за поворотом. Кали перевел дух, но чудеса в эту ночь еще не кончились.

Ожили дубы. В сплетениях ветвей зашевелились темные фигуры, и Кали, в первое мгновение оцепенев от ужаса, подумал: «Звезды! Погасшие звезды!», — но потом разглядел — люди. Просто оказались поумнее его и, чем мерзнуть на земле, забрались на дерево. Они спрыгнули на землю, и Кали смог разглядеть получше. Всего ночных бродяг было четверо, из них одна баба — Кали услышал, как хлопнула юбка, и увидел белые икры, когда она сигала с дерева. Все четверо встряхнулись и молча повернули в лес. Кали понял: шеламцы, лесные колдуны, больше некому. Выждал немного и заторопился следом, стараясь ступать без шума. Впрочем, это оказалось нетрудно: колдуны пока шли по тропке. Последней шагала баба, белый ворот ее рубашки выбился из-под кофты и служил для Кали хорошим ориентиром.

Все так же в молчании добрались до маленькой поляны, наломали сушняка, споро развели костер. Кали пристроился за молодой елочкой и весь превратился в слух. Наконец один из шеламцев заговорил:

— Мне вот что любопытственно, кто же из Хардингов к Дикой Охоте присоединился, хоть их из столицы турнули?

— Я так думаю, Густ, из девок кто-нибудь, — второй голос — молодой, звонкий. — Цельный год ждала, вот и не утерпела. Бес под юбкой защекотал.

— Тьфу на тебя, Кир! Ты про другое что-нибудь думать можешь?

— Где уж мне, горемыке! Только, помяни мое слово, девка это была — некому больше.

— А я помню, Клайм говорил, что молодой король от колдовства сильно обжегся. А волк-то серый нынче хромал!

— Закатай губу! Сидит твой король сейчас у магов на острове, в темном подвале, цепями железными прикованный.

— Да нельзя ему в железных цепях! Жжет оно его, железото!

— А уж это его беда. Лъзя, нельзя — знай сиди!

— Хватит языками-то молотить! — прикрикнул третий — судя по голосу, самый старший. — Говорили вчера: кольцо нужно рвать. Так рвать будем или лясы тут до рассвета точить?

— Рвать, вестимо, Гис, рвать надо, — поспешно заговорил младший. — После указа королевского нам по крепостям жить нельзя, друзей опять же своих под топор подвести можно. Нельзя нам более кольцом стоять. Уходить надо. Взять каждому по куску силы да и разбежаться.

— Как осенью дивы придут, крепостям без нашего кольца не выстоять будет, — возразил Гис.

— А им так и так не выстоять, — буркнул Густ. — Сам видел небось, как дивы белого оленя у Хардинга отбили. Не будет Королевству удачи нынешней осенью. А как из войны выпутываться, это пусть у Рагнара да у пердунов с Острова голова болит. Сами нам огненной смертью грозят, а мы их от дивов спасай?!

— Так ты тоже думаешь: рвать? — уточнил Гис.

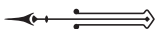
— Рвать, ясное дело.

— А ты, Десс?

Женщина молча пожала плечами.

— Ладно, начнем благословясь.

Шеламцы сели вокруг костра, вытянули перед собой раскрытые ладони и негромко запели. Кали подался вперед, чтобы уловить слова заклятия, но его ждало разочарование: это была всего лишь старая колыбельная, какую знала всякая баба в деревне:

*Все лисицы спят, и куницы спят.
Все ласточки спят, и касаточки спят.
И соколы спят, и соболи спят.*

Песня накатывалась ровно, как морской прибой, укачивала, затягивала, и на ладонях колдунов затеплилось, а потом стало разгораться, темнеть, наливаясь силой кольцо бурого огня.

*По норочкам спят ласточки,
По гнездышкам — касаточки,
На дереве спят соколы,
Под деревом спят соболи.*

Потом песня переменялась, и языки пламени послушно выгнулись, заиграли в полную силу.

*Говорит куна куне:
Это кто там во гнезде?
Это кто там во гнезде,
Во глубоком во дупле?
Во глубоком во дупле
Сидит семеро птенцов.
Сидит семеро птенцов,
Серых семеро совят.
Уж как трех-то мы съедим,
Трех-то детям отдадим,
У седьмого, у последнего,
Только крылья объедем!
То не семеро совят —
Семеро бесенят.
Семеро бесенят,*

*Они тоже есть хотят.
Они кун-то подождут
Да на части разорвут!*

На последних словах шеламцы разом хлопнули в ладоши, огненное кольцо разорвалось на четыре части, зашипели, извиваясь, последние языки пламени и пропали в руках колдунов.

— Вот и поделили Силу-то, — сказал довольный Кир. — Ты где хорониться надумал, Гис, ежели не тайна?

— Да какая там тайна? Я и не думал толком. Неловко как-то. Будто на похоронах за вдовой ухлестывать. Можно к выкупным маркграфам податься. Они на своей земле хозяева, королевская воля им не указ. Опять же, не первый год с дивами воюют, знают, как шеламца приветить.

— За... Забудь ты про маркграфов! Король им не указ, но против Островных Магов и они не попрут. Мы вот с Густом надумали за Шелам уйти.

— Наскрозь? — не без ехидства поинтересовалась женщина.

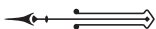
— А, бодай тебя! — огрызнулся Кир. — Закрайком, как все добрые люди. В Зашеламье, небось, королевствов-то много. А колдуны везде нужны.

— Да помолчи ты, огрызок шеламский! — бросил Густ сердито. — Шуршит навреде что-то в кустах!

Кали замер, но когда два колдуна, разводя руками подлесок, стали приближаться к нему, понял, что обнаружен, и бросился в бега.

Не тут-то было! Они в момент догнали его, скрутили и потащили назад к костру.

— Пацаненок какой-то подглядывал за нами! — закричал Кир.

— Пацаненок, говоришь? — Гис усмехнулся. — Да у него, верно, у самого пацанята по двору бегают. Нет, таких гостей к нам еще не жаловало. Небось, сидел в кустах, да прикидывал, сколько за наши четыре головы солдаты дадут.

— За шеламцев? Ты что, сдурел, Гис?

— Это не я, это время сдурело. Королевский указ забыл? Что только делать с ним теперь? Лица наши он видел.

— А то их без него мало народу видело? — спокойно возразила женщина. — Только метку ему на память о нынешней ночи я все же оставляю.

Она размахнулась и ударила Кали по лицу. Он взвыл позвериному. На его щеке ясно отпечатались четыре точеных пальчика — будто раскаленным железом приложило.

— Отпустите его, ребята, — велел Гис, поморщившись. — Он ведь сейчас весь Шелам перебудит.

Шеламцы разжали руки, и Кали с воем, не разбирая дороги, бросился в ночную темноту.

— Зря ты так, Десс, — сказал Густ. — Теперь о нас еще хуже думать будут.

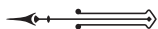
— А тебе что за разница? — возразил Гис. — Худо, хорошо ли, а нынче тебя всякий ловить будет. Ты теперь — верный доход, кусок хлеба для детишек.

— В Зашеламье уходить надо, — повторил Кир.

— Уходите, — тихо и зло сказала женщина. — Пусть будет так. У кого ничего здесь нет — уходите. А я останусь с Клаймом. И если кто-нибудь хоть горсть земли с его могилы возьмет... — Она отвернулась от людей, прижалась лицом к стволу дерева и заплакала.

— Неладно получилось, — пробормотал Густ. — Ну да всяко уходить надо, рассветет скоро. Прощай, Гис. Прощай, Десс.

— Прощай, Гис, — повторил Кир.

Они растаяли в темноте.

Гис положил руки на плечи женщины и тихо стал ее уговаривать.

— Полно, Десси, полно, не убивайся. Осень придет, горе водой унесет.

— Осень... — Женщина шмыгнула носом, высморкалась в пальцы. — Осенью, верно, у каждого тут горе будет. Не меньше, чем мое...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЛЫЙ ЗАМОК.

ЛЕТО

Ты скажешь: «Ладно, они берут числом, у них толстые стены, пушки, солидные запасы стрел, что ни говори — они сильнее. Ну, пусть. Я боюсь, порядком боюсь! Так! Ладно! А теперь, когда я отбоюсь как следует, вперед!» А те так удивятся, что ты не боишься, что сами сразу начнут бояться и ты одержишь верх! Потому одержишь, что ты умнее, у тебя больше воображения, потому что ты свое уже отбоился заранее. Вот и весь секрет.

*Жанна д'Арк — Карлу VII,
по свидетельству Жана Ануя*

Глава 1

Радка навалилась на тугую дверь, уперлась плечом и задиком, выставила на крыльцо подойник и ведро с нагретой водой, выскользнула сама. Зажмурилась, поймав на лицо косые лучи утреннего солнца, зевнула, протерла глаза и ойкнула. Ступенькой ниже сидела и дремала, обняв колени, незнакомая женщина. Вернее, как раз от Радкиной возни и ойканья она и проснулась, протерла глаза, отбросила за спину бледно-рыжую косу.

— Что, не узнаешь? Подурнела сильно? — спросила она, усмехаясь.

И тут Радка ее узнала. Лицо гостьи было ужас как похоже на лицо Радкиной матери, разве что немного моложе, смуглее и суше.

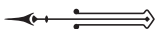
— Тетя Дионисия... — прошептала девочка.

— Так-таки тетя? А может, кто другой? Кто я тебе, Радушка? Тетка?

— Сестрица... — протянула Радка с опаской.

Сестрица не сестрица, еще посмотреть надо, а что лесная девица — это ясно. А из Шеламы мало ли что прийти может!

Но женщина уже ласково притянула Радку к себе, чмокнула в висок, обдала запахами солнца, травы и немыгтых волос.

— Помнишь, — сказала она тихо. — Большая уже стала, а помнишь. Хорошо!

Радка помнила.

Сестрица Десси приходила к ним в гости лет шесть или семь назад, принесла матери шерстяную, в красную и черную клетку, дивно мягкую юбку, а Радке деревянного конька, который умел топтать ногами и качать головой.

Если уж совсем честно, то сильнее всего запомнился Радке этот самый конек, да еще — как мать вдруг спросила:

— А отец-то как?

И Десси ответила:

— Отец тебя забыть не может.

Радка потом много недоумевала: отец тогда и впрямь дня на три уезжал в город, только с чего ему мать-то забывать?

Вернувшись и услышав от соседей, что приходила Десси, он побелел и сказал тихо и страшно:

— Чтоб я больше имени этой твари в своем доме не слышал.

Конька Радка от греха подальше утащила за баню, построила ему конюшню из щепочек и там оставила. Мать дареную юбку тоже ни разу не надевала.

Потому-то Радка и не хотела сразу признаваться сестре, чуяла, что ввязывается в не шибко приятную историю. Она решила поскорее чмокнуть Десси и сбежать, но Десси вдруг сама отпустила ее, насторожилась, прислушалась к чему-то, словно кошка, не ушами, а всем телом.

Радка ухватилась за подойник. Не иначе, отец решил узнать, с чего это дочка устроилась мух половить на крыльце. Точно! Заскрипели в сенях половицы, растворилась дверь. Радка соскочила наземь, но отец ее даже не заметил. Он устоялся на сестрицу Десси.

— Ты тут еще откуда взялась? — Голос его не предвещал ничего хорошего.

— Я на постой пришла проситься.

— Что ж, больше некуда?

— Некуда, — подтвердила Десси. — Если б было куда еще, разве стала б я тебя тревожить?

— Коли просить пришла, так не держи себя как последняя...

Радка ошарашенно вертела головой. Она чуяла, что отец боится, а сестре весело, хотя должно быть наоборот.

— Март... — из-за плеча отца выглянула мать и осторожно погладила его по руке. — Март, света ради. Не при людях.

Дверь захлопнулась, но Радка услышала, как мать в сенях торопливо говорит:

— Марти, она же все-таки дочь мне...

— Дочь, говоришь? А что она десять лет была солдатской подстилкой, про это забыть прикажешь?

— Марти, ей же вправду больше идти некуда! Что о нас люди говорить будут, если мы ее прогоним?

— А что будут люди говорить, если я начну всякую шелупонь с улицы пускать?

Десси улыбнулась.

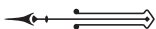
— Вот я и дома, — сказала она. — А ты к козам пойдешь?

— Угу.

— Ну так я с тобой. Все лучше, чем эти песни слушать.

* * *

С козами они управились на удивлению быстро. Десси обнимала каждую за шею, почесывала ей лобик и промеж рогов, приговаривала что-то ласковое, и рогатые бандитки тут же вытягивались в струнку, не сводя с лесной девицы влюбленных янтарно-желтых глаз. Ни одна ногой не дернула.

На пороге дома сестер поджидал Март. Радка с полным подойником сразу шмыгнула на кухню, а Десси кивнула мужу матери, будто старому приятелю, и сказала:

— Так я в зимней избе поживу пока.

И, не дожидаясь ответа, побрела на нежилую половину.

Март не сдвинулся с места, лишь посмотрел ей вслед и выговорил с ненавистью:

— Рожачка!

Десси остановилась, обернулась, держась за дверную ручку. (Только сейчас Радка увидела, что сестра еле стоит на ногах от усталости.)

Десси ответила отчиму тихо, без угрозы, будто совет давала:

— А ты поостерегись. В спину ведь говоришь — не в лицо...

Глава 2

Десси проснулась за полночь и, не открывая еще глаз, потянулась по старой привычке проверить, тут ли еще Клайм или улизнул потихоньку. Уперлась ладошкой в доски и вспомнила наконец, где она и что она.

Обругала себя дурищей несусветной, велела себе не реветь, перевернулась на спину и стала слушать незнакомые звуки. По-иному, не так, как в крепости, хлопали двери, по-иному скрипел ворот колодца. На летней половине шебуршала кочерга, и это тоже было чудно. Чудно, что не она, Десси, стоит сейчас у печного устья и выгребает золу.

Впрочем, если подумать как следует, так это ее, Дессин, единственный прибывток с самой весны. Больше не придется вскакивать ни свет ни заря, чтоб накормить дюжину, а то и больше прожорливых мужиков. Караульщики обожали завалиться поутру всей командой в десятников дом и потребовать у десятниковой дочки угощения. Знаки внимания оказывали, понимаешь ли, прорвы ненасытные! А то им невдомек, что, как насмотришься на их грязные лапы да жующие челюсти, целоваться уже вовек не захочется.

По закрытому ставню что-то снаружи застучало, заскребло. Десси выскользнула из-под одеяла (раздеться она с утра

поленилась), распахнула ставни и отшатнулась. В окно нахально — будто к себе домой возвращался — влетел огромный аспидно-черный ворон. Уселся на матицу и искоса глянул на шеламку.

— Ты к добру или к худу? — спросила она.

Ворон не шелохнулся. Сердце Десси подпрыгнуло к самому горлу.

— Клайм, это ты?

Опять тишина.

«Ладно. Значит, просто ворон. Чокнутый ворон, что тут такого?»

Десси порылась в карманах юбки — думала найти монетку, но обрела лишь кусок сухаря, который положила на окошко:

— Вот, откушай, не взыщи. Чем богаты, тем и рады.

Ворон презрительно взъерошил перья и, не удостоив сухарик взглядом, мягко спланировал с матицы на подоконник, а оттуда — назад, в синее небо.

Десси выглянула в окно. Отчим с матерью, как назло, трудились на огороде. Увидев Дессиного гостя, отчим потянулся было за комом земли, но потом раздумал и просто проводил птицу взглядом. Ну все. Теперь разговоров на три дня хватит.

Десси повытряхнула из волос и одежды сено, поспешно спустилась вниз и, кивнув матери, углубилась в заросли сорняков на морковной грядке. Отчим таскал воду из дождевых бочек и, проходя мимо падчерицы, не упускал случая поворчать:

— Ворон-то на дворе — к несчастью, мне дед еще говорил... Приютили ее, гулену, будто путную, так она всю нечисть шеламскую за собой притащила... Скоро, небось, водяницы в бочках поселятся, в баньке кикимора париться будет... Ну что смотришь, рожачка бесстыжая, не терпится ночью во дворе с нежитью всякой голышом поскакать?..

«Чрево шеламское, да он тоже свихнулся! — подумала Десси, трудясь над грядкой с вдохновением дождевого червя. — Уже всех добрых хозяев помянул да половину из них в гости зазвал. Любому из наших и вдесятеро меньшее не простилось бы. А здешних Шелам, видать, и за людей не считает — оттого они и могут что угодно говорить».

Поймала предостерегающий взгляд матери и кивнула.

«Смолчу, смолчу. Меня здесь вовсе нет — видимость одна. Твой муж, твой дом, делай что хочешь. Одного не могу в толк взять — зачем тебе понадобился этот хмырь? Каково тебе с таким жить — это после отца-то?!»

* * *

Отец с матерью раньше крепко друг друга любили. Десси когда-то это казалось очень важным, и она отца допрашивала с пристрастием. Тот плевался от «бабьих разговоров», но рассказывал, что и как — куда денешься?

Они, отец с матерью, Дон и Ода, вместе росли, делили игрушки, дрались, мирились, потом подглядывали друг за дружкой: летом — у реки, зимой — на гаданьях. А потом увидели друг друга наново, и все у них пошло, как испокон веку заведено: гляделки, оклики, руки.

Одно лишь висело над ними темной тучей: Ода была единственная дочка и наследница семейного добра, а у Дона в доме подрастали еще двое братьев и сестра.

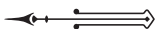
И когда Дон и Ода впервые поцеловались в выстуженных сенях, девушка зашептала горько:

— Не отдадут ведь меня, голубчик!

А он ответил спокойно:

— В примачи пойду.

И Одины щеки запольхали от смущения и счастья, потому что большего доказательства любви измыслить невозможно.

Дон уломал родителей. Те посватались. Сговорились сыграть свадьбу в следующую зиму. А осенью на ярмарку в Купель, ближний городок, пришли шелапцы.

* * *

Их было двое один — кряжистый румяный здоровяк, другой — летами постарше и плечами поуже. Их узнавали сразу: по заткнутым за ленты шляп медвежьим когтям, по дорогому оружию, добротным солдатским сапогам и чуть снисходительным улыбкам. Лавочники скидывали для них цены — то ли из уважения к защитникам Королевства, погубителям чужан и лесных чудищ, то ли из боязни нарваться на колдуна. Но шелапцы пришли не торговаться.

Здоровяк расчистил круг, бросил на середину кошелек и заявил, что эти деньги достанутся тому, кто победит его, Лина Тростинку, в единоборстве. Но хотя кошелек, падая, аппетитно звякнул и причмокнул, супротивников сразу не нашлось. Тогда здоровяк добавил несколько своих соображений насчет деревенских слизняков. Слизняки мгновенно превратились в гордых орлов и ринулись в бой. Только ни один из них не продержался дольше сотни ударов сердца. Каждый вдруг обнаруживал, что земля сегодня слишком скользкая.

Дон слабаком никогда не считался, но в драку лезть не любил. Его выголкали в круг приятели, которым хотелось, чтоб, по крайней мере, всем досталось поровну.

Вначале Дон осторожничал: не хотел показываться Оде с расквашенной физиономией. Потом рассмотрел, что противник силен, но медлителен, выждал момент, ушел от удара и свалил шелапского силача наземь простой подсечкой.

Восхищению Доновых приятелей не было предела; они наперебой зазывали победителя в кабак, но старший

шеламец всех отгтер, заявив, что выпивку ставят победенные.

Вместо благодарности Дон протянул ему кошелек:

— Я, может быть, и слизняк, но не болван. Ваш парень поддался.

Шеламец рассмеялся:

— Ясное дело, поддался! Лина и медведь не враз заломает. Просто ты ему понравился. Успеваешь подумать, пока замахиваешься. Хочешь служить у нас?

— Не знаю, — ответил Дон.

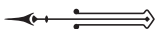
Дионисия, его мать, была беженкой из Зашеламья. Ее родной город сожгли чужане. Не то чтобы Дон всю жизнь мечтал отомстить им, но когда сам Шелам давал ему для этого оружие... Кроме того, если уж быть до конца честным, Дон не мог не признаться себе, что его притягивает не называемая человеческим языком сила Шелама. Это оказалось так же непобедимо и так же необъяснимо, как любовь. Чтоб не мудрить без толку, Дон счел это зовом крови.

Настал черед Оды доказывать, что ее связывает с женихом больше, чем просто весенняя любовная лихорадка. И Ода сказала:

— Да. Уходи в крепость. Только возвращайся ко мне почаще.

* * *

Так оно все и случилось. Дон постигал нелегкое ремесло лесного воина, а чуть выгадывалась свободная минутка, мчался домой к Оде, веселил молодую жену и как мог угождал тестю: чинил крышу, подновлял забор, копал грядки. Нет слов, отец Оды был не в восторге: вместо постоянного работника он вынужден привечать в доме эдакого ночного гостя. Хоть Дон и изображал изо всех сил примерного зятя,

опасный душок шелаковского колдовства ох как не нравился его новым родичам! Мир в семье держался чудом, и хрупкое это чудо вскоре разбилось вдребезги.

* * *

Была Скупая Седмица — последние дни перед осенним солнцеворотом. В такие дни благоразумный человек не радуется своей плоти ни вином, ни мясным яством, ни ночной утехой. Он посвящает все мысли Солнцу, помогая Отцу Света в его ежегодной битве. И Отец по весне сторицей воздаст праведнику. И это мудро и справедливо. Ибо Бог творит, а человек жертвует. И только вместе они могут удержать мир. Так учат Солнечные Маги.

Это мудро и справедливо. Но что делать, если вдруг под вечер прибежал любимый муж? Если он рассказывает, стягивая сапоги, как заболтал десятника и отпросился на часок, обещал на рассвете уже вернуться в крепость; и — нет, есть он не хочет, а спать — на дежурстве отоспится, но не пустят ли его под бочок, не приголубят ли ради такого случая?

Можно, конечно, сказать: «Нет!» — и прочесть проповедь о борьбе Света и Тьмы. Можно... Да Ода не смогла. И, впиваясь пальцами в спину Дона, она клялась про себя, что пожертвует Солнцу петуха, и... первого новорожденного ягненка, и... все, что угодно, только пусть этой ночью будут лишь они двое и никакого мира, который нужно спасать. И верила в то, что любовь все покрывает.

Она ошибалась. Но поняла это лишь месяца четыре спустя, глядя на свой располневший стан. Конечно, лишь Прародительнице Земле известно доподлинно, в какую именно ночь зачат ребенок. Но если это случилось тогда, в Скупую Седмицу... Это все равно что задрать в храме

Солнца юбку и показать голый зад. Такого оскорбления Отец Света не простит.

И самым жутким было то, что про страх и стыд нельзя никому поведать. Даже отцу с матерью. Даже Дону. Как сказать, что твой ребенок проклят уже во чреве? Слов таких в человеческом языке нет.

К родам Ода будто постарела на десять лет, а Дон понял, что в доме он — лишний. И стал появляться все реже и реже. Ода снова убедилась, что он лучше и умнее всех, но даже поблагодарить не смогла.

В храме Солнца, в Купели, она бывала теперь едва ли на каждую седмицу. Ни разу не приходила без даров, часами простаивала на коленях, молилась, хотя и в молитве не поминала о своей вине, все надеялась, что пронесет, что Отец Света не покарает новорожденного младенчика за бабью глупость.

Не пронесло. Не пощадил.

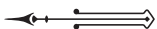
Правда, выжидал целых пять лет.

* * *

Десси-Дионисия (уважила-таки Ода напоследок мужа) поначалу никому хлопот не доставляла. Когда удавалось, играла целыми днями на улице, хозяйничала понемногу в доме и трепку зарабатывала не чаще, чем прочие ребята.

И вот как-то в самую пахоту старому Единому отцу занемоглось. Он раньше обычного вернулся с поля, распряг лошадь, повел в конюшню, ругая на чем свет стоит непутевого зятя, и вдруг едва не споткнулся о внучку, игравшую во дворе с тремя песчано-желтыми, остромордыми и длиннохвостыми щенками. На затылках у щенков красовались смешные белые хохолки.

Лошадь он не удержал. Едва увернулся от копыт. Умная скотина всхрапнула, встала на дыбки, вырвав повод из рук хозяина, и дала деру.

Щенки были шеламскими лисами. Благочестивым солнцепоклонникам не пристало верить в то, что лесные звери могут быть чем-то большим, нежели безмозглыми тварями. Но каждый сопливый пацан в деревне знает, что, если убьешь шеламскую лису, лучше всего сразу жернов на шею и в омут. Можешь бежать за тридевять земель, можешь сидеть безвылазно в доме, запершись на все замки, — все едино. Не позже как через три дня тебя найдут с перегрызенным горлом.

Дед тащил Десси в дом, от ужаса колотя ее чем и куда попало, а она сквозь слезы приговаривала: «Хочу к лисичкам! Не тронь меня, хочу к лисичкам!»

Два дня она отсидела в чулане. На третий пришел Дон; дед вывел заплаканную внучку из заточения, дал ей в руки узелок с игрушками и платьями и сказал зятю:

— Дочь твоя — рожачка. Ведьма прирожденная. Забирай своего выделка и уходи.

Дон возмутился, потребовал объяснений. Дед рассказал. И закончил так:

— Забирай и уходи. Али хочешь дождаться, когда у нее хвост вырастет и добрые люди с нее с живой кожу спустят?

Дон взмолился:

— Ода!

Но она так и не подняла глаз.

Тогда бедолага воин присел перед своим «выделком» на корточки и спросил:

— Ну что, хочешь еще к лисичкам?

Десси вытерла слезы кулачком и кивнула.

— Тогда пошли.

Десси забралась отцу на плечи, и они отправились в Шелам.

* * *

Лисички Дона беспокоили несильно. В Шеламе он жил уже шестой год и знал, когда лес сердится, а когда шутки шутит. Другое его тревожило: женщины в крепости не приживались. Оставались лишь самые ревнивые гримзы да еще задериховстки, менявшие по три мужика за ночь. И спрашивается, что путного может вырасти из девчонки в такой компании? Только ей и останется, что у шеламских лисиц умразуму учиться.

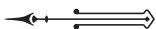
Однако все как-то само собой уладилось. То ли оттого, что Десси и впрямь оказалась рожачкой, то ли оттого, что Дон с нее пылинки сдувал, но никакая грязь к ней не приставала.

А годы шли, такие же тихие и незаметные, как Донова дочка. В горах у чужан не было мира, племя воевало против племени, и в Шелам они наведывались лишь малыми отрядами. Лес гневался редко, редко давал волю своим чудищам. Белый олень из года в год оставался на землях Королевства.

Дон дослужился до десятника и решил, что выше лезть не стоит, — и здесь хорош. Десси подросла и научилась ловко уворачиваться от мужских рук. А Ода... Ода вышла замуж во второй раз, родила вторую дочку и жила чин чинном...

«Только... Не верю я в ее счастье, не верю ни за что. Я же помню, какая она прежде была, а теперь все голову долу клонит. И отчим вон как ртом дергает! Поди угадай, кого он больше боится: леса ли, падчерицы ли ведьмы или своих же соседей!

И мать... Это ведь она себе казнь такую придумала за тогдашний грех. Хочет жизнь свою с этим хмырем загубить

и тем за все расплатиться. Только без толку все это, донесут на меня в Купель, этим все и закончится.

А ведь донесут, как пить дать... Бежать надо, а куда побежишь? В одиночку в лесу зимовать? Не смешно даже!

Ох, чрево шеламское, забраться бы в тебя да свернуться в тепле слепым кутенком! Только дороги нет — через Меч лишь мертвые проходят, а мне боязно еще.

Клайм, радость моя, где ты хоть сейчас? Ждешь ли меня? Видишь ли, каково мне тут без тебя?»

Глава 3

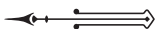
В прежние годы, едва сходил паводок, на земли Королевства приходила Напасть с Севера — с полдюжины отрядов чужан. Почти не сообщаясь, а иногда даже затеывая меж собой усобицы, они разбойничали в приграничных деревнях, тащили все что ни попадя: зерно, соль, полотно, сапоги, шубы, угоняли скотину, рубили деревья, крали детей и девок.

(В горах, где жили чужане, было какое-то древнее злое колдовство, а потому их женщины редко беременели, а за брюхатев, часто теряли плод.)

Итак, чужане набивали мешки, а солдаты сторожевых крепостей выслеживали и ловили нищих разбойников. Поймав, старались не убивать, чтоб не иметь потом дело с многочисленными мстителями. Просто отбирали награбленное, пороли воришек и выпроваживали их восвояси.

Особенно наглыми разбойниками занимались колдуны-шеламцы: они обливали чужан заговоренной водой, от которой кожа навек покрывалась разноцветными пятнами.

Короче, пока в столице сочиняли страшные истории про нелюдей-дивов, в Пришеламье разбирались с ними по-свойски.

* * *

И так все шло до тех пор, пока Армед, единокровный брат одного из дивных князей, не понял, что младшие братья молодых князей долго не живут, и не решил, что самым безопасным местом для него будет трон Королевства За Лесом.

Той же весной разведчики донесли молодому королю Рагнару Кельдингу, что Кьяртан, старший брат Армеда, заключил союз с соседними племенами и ведет на Королевство целую армию.

Король послал своего дядю Хильдебранда с пятью тысячами тяжелых конников к Гусиному Горлу — долине между побережьем и Шеламом, единственному проходу от северной части Острова к южной. Кельдинги не без оснований считали, что армия чужан в Шелам не сунется — никому неохота будить лихо. Хильдебранд должен был перехватить дивов в Гусином Горле и удержать до прихода Рагнара и королевского войска. Хильдебранд двигался быстрым маршем, задерживаясь лишь для того, чтоб принять в свое войско рыцарей-добровольцев со свитой и пешие отряды от королевских городов. Погода ему благоприятствовала — стояли сушь и жара.

Однако погода благоприятствовала и чужанам: реки в предгорьях давно вернулись в свои русла, и отряды спустились с гор без задержки. Пехота закрепилась в узкой долине, прикрыв свои фланги где крутыми склонами, где засеками из порубленных деревьев. Конные лучники северян обстреляли войско Хильдебранда уже на подходах к Гусиному Горлу, и тому пришлось прямо с марша, не строя никаких укреплений, принимать бой.

Конников Хильдебранда взяли на копья пехотинцы дивов. Уцелевших порезали вышедшие из долины отряды

с боевыми косами. На очумевшую пехоту Королевства налетели Дети Ласточки — конные отряды дивьей знати. Пехотинцы, видя что «сила силу ломит», вмиг позабыли о присяге и разбежались. Хильдебранд с небольшим отрядом верных бойцов поспешно отступил, надеясь встретить Рагнара с подкреплением.

Чужане за ним не погнались: у них оказались, как вскоре выяснилось, планы поинтереснее.

* * *

Рагнар отошел от столицы едва ли на десяток дневных переходов, когда его войско полегло от кровавого поноса.

Если б то была вражеская территория, можно погрешить на отравленные колодцы, но — увы! — ни одного дива окрест не наблюдалось.

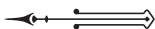
Если то была месть богов за свержение Кольскага Хардинга и уничтожение рода Харда, то приходится признать, что боги склонны к грязным шуткам.

Но, скорее всего, какой-то местный комтур не позаботился своевременно о чистоте колодцев, а проклятая жара довершила дело.

Королевское войско, не в силах сдвинуться с места, стояло на реке Ильг и, в глаза не видя врагов, теряло по десятку человек в день.

Впрочем, враги недолго тянули с визитом вежливости. Как-то утром насквозь провонявший лагерь навестили полсотни чужанских боевых колесниц. Тех самых, над которыми чуть ли не пять десятков лет хохотали все солдаты и полководцы Королевства. (Представить только, как дивы носятся на этих колымагах по своим горам!)

Тут наконец выяснилось, что на равнине колесницы куда как проворны, и подошедшему с севера измученному отряду

Хильдебранда пришлось спасать королевское войско от полного разгрома. Возницы побоялись иметь дело с закованными в броню рыцарями и бежали прочь, навстречу чужанским коннице и пехоте.

Так бы, наверное, и пришел конец войне, войскам, королю и Королевству разом, если бы не безграничная беспечность здешнего комтура. За семь лет правления он так и не удосужился навести мосты через Ильг.

Всадники Хильдебранда закрепились на единственном в здешних местах броне и держали его семь дней, пока остатки королевского войска бесславно брели назад в столицу.

И к летнему солнцестоянию почти полкоролевства оказалось под властью нелюдей — дивов. Правда, теперь нужно было утвердить эту власть в каждой области, в каждой городке, в каждой деревне, на каждой площади, в каждом переулке, в каждой крепости и замке, в каждом зале и галерее, за каждым поворотом коридора.

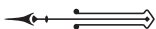
Глава 4

От зноя плавилась смола на стволах сосен. Десси и Радка брели краем лесного болотца по колено в сухой острой траве. Временами они выходили на прогалины и чувствовали, как в плечи им упираются горячие столбы из солнечного света.

Радка считала, что искать грибы в такую жару — занятие глупейшее, но Десси была твердо убеждена, что копать в огороде под взглядами родичей и соседей — занятие тошнотнейшее, и с рассветом утащила младшенькую в лес.

И, разумеется (чего еще ждать от ведьмачки?), увела гораздо дальше, чем рисковали заходить обычные деревенские ягодницы и грибницы.

Правда, грибы попадались как на подбор: ладные молоденькие подосиновики, крепкие, с кулачок, — прочими Десси брезговала. Да и две подозрительного происхождения ладанки, висевшие на шеях у сестер, разгоняли комаров на версту вокруг, но Радке все равно было страшно. От знойной неподвижности леса, от тишины, нарушаемой только шорохом травы и юбок, оттого, что все вокруг так мирно и... равнодушно, Радке казалось, будто Шелам сейчас зевнет и проглотит их, словно мошек.

Но Десси беспечно шуровала в траве, то здесь, то там извлекала из-под кочки новых красавчиков; Радка стыдилась показывать страх, и она просто тихонько ныла, жаловалась на усталость, на стертые ноги, на слипающиеся глаза.

— Погоди, — утешила ее Десси, — сейчас заберемся повыше, ляжем в тени и подремлем. А как солнце заполдень перевалит — домой повернем.

Это оказалось последней каплей.

— Да ты что, ополоумела? — взвизгнула Радка. — Ста-точное ли дело — в жару в лесу спать?! Счас все полуденники, вся нечисть лесная, черная соберется кровь пить! И не прос...

Тут ей пришлось замолчать. Десси с неожиданной силойхватила ее за плечо и зажала сестрице ладонью рот.

— Тихо! — велела она, не повышая голоса. — Тихонько говори. Думаешь, твоя кровь тут кому-то вправду нужна? Кого видеть не хочешь — того не зови; кого назад отправить не сможешь — тех не вызывай; откуда обратно пути не знаешь — туда носа не суй, вот с тобой ничего и не случится. Думаешь, тут твоя кровь кому-то нужна?

Радка притихла. И Десси, почувяв это, убрала руки.

— Вот и ладно, — сказала она. — Соображаешь кое-что, не весь ум отец из тебя выбил. Пошли, отдохнем, в самом деле. А то у меня от тебя в ушах звенит.

Они отвернули от болота, перевалили через невысокую гривку и увидели внизу, в ложбине, темное лесное озерко.

Радка теперь боялась слово молвить и только глазами спросила сестрицу: «Можно?» Та кивнула. Радка поставила корзинку, побежала вниз — ополоснуть лицо и ноги.

Десси присела наземь, потом откинулась назад, засмотрелась на чуть заметно качающиеся кроны сосен. Там, наверху, гулял ветер, медленно, как старуха по ступенькам, спускаясь

к земле. Ослепительно синее небо уже разрезали тонкие белые перья облаков. «Не иначе как завтра дождь будет, — подумала Десси. — Славно мы нынче успели».

В закинутые за голову руки шеламки ткнулся мокрый холодный нос. Десси ойкнула, потом улыбнулась и, не оборачиваясь, прошептала: «Спасибо!»

Шеламские лисы, как добрые сюзерены, следили, чтоб их ленникам не чинилось в лесу никаких неудобств.

Когда Радка вернулась и плюхнулась рядом, Десси попросила ее:

— И слова этого «нечисть» не говори никогда, ладно? Нет такого в лесу. Это промеж людьми грязь бывает, а в лесу по-другому.

— Как это?

— Ну... другое все.

Десси поморщилась и досадливо помотала головой. Слов ей не хватало.

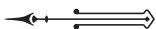
* * *

Когда, уже близ деревни, Десси учуяла запах дыма, она тоже промолчала. Ошиблась, конечно, нужно сразу поворачивать и под любым предлогом уводить Радку назад, в лесную глубину.

Только Десси все время забывала, что живет уже не в крепости и что люди вокруг нее — слепые и омертвевшие деревенские слизняки.

Хотя, если уж рассуждать до конца, так не пошла бы Радка безропотно назад — норов понятно от кого унаследовала.

Словом, Десси унюхала дым, попробовала его на вкус, смекнула, что это не печь топится, а горит что-то, но смолчала. Только пошла потише, соображая, стоит ли ей сейчас показываться в деревне.

И снова, как вскоре выяснилось, помедлила зря, потому что Радка, учуяв запах гари, охнула и рванула вперед со всех ног, отчаянно размахивая корзинкой и рассыпая грибы.

Десси, позабыв собственные поучения, выругалась, бросилась вдогонку, повалила сестрицу на засыпанную хвоей землю, снова зажала ей рот, придавила всем весом и зашептала:

— Не надо, не надо, подожди! Подожди меня здесь, я сама пойду, гляну что там.

Радка мычала и норовила укусить сестрицыны пальцы.

— Погоди ты! Там в самом деле может опасно быть. Ну не бузи же!

— Да отцепись ты наконец!

Радка все же выкрутилась из рук Десси, побежала вперед к опушке леса — и вдруг замерла.

Это был не пожар. Это было пожарище.

В небо вздымалось не меньше дюжины черных столбов. Дурными голосами оралы очумевшие кошки. Жалобно мычала и блеяла скотина. А в клубах дыма с веселым гиканьем носились, посверкивая шлемами, всадники.

* * *

Радка обернулась и снова одними глазами спросила: «Что делать?» Десси указала ей на корни поваленной ели. Радка послушно скользнула в ухоронку.

«Соображает все-таки что-то, спасибо Шеламу, соображает!»

Десси подобрала юбку и, прячась за стволами, а где и припадая к земле, стала приближаться к деревне.

Взяла чуть вправо — туда, где лес подходил к самой дороге.

Скользнула в придорожную канаву и поползла на четвереньках по сухой грязи. Знала, что рискует по-глупому, но сейчас ей позарез нужно увидеть герб на щите или вымпел — хоть что-нибудь, что сказало бы, откуда взялись поджигатели.

По счастью, им дела не было до леса и до канав, они стояли на площади деревенский люд.

И Десси увидела все, что ей хотелось.

На алебардах всадников развевались тонкие темно-зеленые лоскуты. Да и вооружение Десси без труда признала и закусила губу от бессильной ярости.

Родовой цвет Кельдингов.

Королевские войска.

* * *

Радка так и сидела за елкой, зажав ладонями рот, и тихонько раскачивалась из стороны в сторону. Десси плюхнулась рядом и принялась растирать затекшие ноги.

— Не бойся, — сказала она сестре. — Это наши.

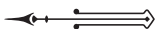
— Ваши?

— Да нет, наши. Наши общие.

Получился в своем роде шедевр — уложить все грязные ругательства, которые вертелись у нее под языком в два слова: «наши общие».

Ибо Шелам не терпит ругани. Вернее, иногда принимает ее слишком близко к сердцу. И Десси вовсе не улыбалось выпустить орду ублюдков, которых она мысленно поминала, гулять по Королевству. Здесь и без того полно неприятностей.

Одна беда — Радка ничего не поняла. Пришлось объяснить в том же духе: два пристойных слова вместо двадцати двух проклятий.

— Это... королевские солдаты. Они... продули войну. Теперь эти... вояки отступают к столице и жгут все на своем пути. Чтобы чужане не могли здесь кормиться, понимаешь?

— А наши? Отец с мамой?

— Ничего с ними не случится. Сгонят в города, чего-нибудь дадут на прокормление. К осаде будут готовиться.

«Славная девочка, — похвалила себя Десси мысленно, будто норовистую кобылку. — Славная девочка и совсем не кусается, правда?»

Но Радка в мгновение ока разрушила с таким трудом обретенное спокойствие.

Она встала на ноги, отряхнула юбку и решительно сказала:

— Десс, ты сможешь?

— Это как?

— Что — как? Освободишь наших?

— От кого?

— От солдат. У нас вольная деревня, они права не имеют дома жечь.

— Умница! Ты что, головкой стукнулась? Солдаты в своем праве. Они вашей деревне еще благодеяние оказали — от чужан защитили.

— Все равно, — сказала Радка, глотая слезы, и Десси вдруг явственно услышала голос Оды; та тоже всю жизнь искала справедливости, а находила один пшик. — Чужане — враги, но если эти дома жгут, так они тоже — враги. А если ты из крепости, ты должна нас защищать.

— Еще чего! Знаешь, сколько те же солдаты за мою голову получат?

— Если не сможешь, значит, ты тоже...

— Также — кто? Договаривай, коли начала.

— Ты ж сама сказала — в лесу нельзя.

— Тьфу! Чтоб мне в другой раз грибом родиться! У грибов родичей не бывает. Ну что я сделаю, а? Как по-твоему?

— Не знаю, — сказала Радка. — Ты шеламка или я, как по-твоему? Хорошо это, когда людей ровно скотину гоняют?

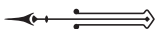
— Нет, надо же! — Десси топнула ногой. — Вот пристала, как кобель к сучке! Ладно, пошли. Сделать ничего не сделаю, так хоть от обузы избавлюсь. Давай, поторапливайся.

Солнце вдруг погасло. Все вокруг подернулось серой пеленой. С севера напоззала туча — неровная, темная, будто грязная нечесаная шерсть.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем он научился удерживать в памяти хотя бы несколько мгновений, стал вспоминать, хоть и ненадолго, какие-то слова, чаще простые, ничего не значащие, вроде: дерево, трава, ветер. Другие слова жглись, просто плевались болью, и его разум тут же отскакивал в сторону, вновь прятался в спасительную холодную дымку беспомыслия. И вновь единственным, что он осознавал, были щекотная земля и хвосты под подушечками лап, разноголосый хор запахов, блаженное ощущение, с которым голодный желудок расслаблялся, встречая теплые, истекающие ароматной кровью куски мяса. И даже когда однажды темной ночью память погнала его из надежного лесного укрытия на дорогу, — и тогда он сумел спрятаться внутри своей головы и знать не знал, где был, что делал и почему. Правда, иногда хитрые воспоминания приходили без всяких слов: болью, холодом, огнем. И он плакал ночь напролет, поднимая морду к искрящемуся в небе поясу звезд.

Но в первый раз он полностью осознал себя, когда его уши наполнились вдруг непривычным гвалтом. Он лежал

в кустах, устроив морду на лапах, переваривал очередную беспечную тетерку. (Потом, уже спустя долгое время, он удивлялся, почему сумел так долго протянуть в лесу, он, такой беспомощный в прежней своей жизни, и понял, как неусытно и заботливо кто-то хранил его.) Итак, он подремывал, а они гарцевали среди сосен всего в какой-нибудь дюжине шагов от него: молодые, яркие, крикливые, слепые и глухие ко всему вне них. И он вспомнил три слова: «дворяне» и «золотая молодежь». Тот, кто (где? когда? — нет, об этом нельзя думать — больно) произносил эти слова, — произносил их презрительно. Отчего? Что еще тогда было сказано? «Их руками можно делать что угодно, они все равно никогда не догадаются, что сделали». Почему-то сейчас это стало очень важно. Потом он увидел (вернее, понял, что видит) нервных чистокровных коней (они-то прекрасно чуяли, что он близко, и вот-вот готовы были взбеситься), увидел длинные нарядные луки, крапчатые перья на торчащих из колчанов стрелах (его рассудок в сумасшедшей гонке вытлевал из себя все новые забытые слова), длинные кинжалы в дорогих ножнах у пояса. Он вспомнил: «охота» (с этим оказалась почему-то связаны обида и зависть), потом «оружие» (и тут его резануло такой ослепительной болью, что бедный разум вновь бросился наутек, но он, сам не понимая, как и зачем, сумел его удержать).

Потом, много-много дней спустя, он понял, что именно это было самым отважным, самым трудным, самым главным поступком в его жизни. Именно тогда он по-настоящему родился заново. Он, прежний, всегда думал лишь о том, как половчее убежать, спрятаться, затаиться, не выдать себя настоящего никому. Но теперь (сам ли или вновь благодаря чьей-то помощи — на

этот вопрос он так и не нашел никогда ответа) дрожащей в кустах беглец сквозь самые немислимые страхи и боль заставил себя понять:

- что когда-то был человеком,*
- что когда-нибудь станет им вновь,*
- что ему многое нужно сделать,*
- что его собственных сил на это не хватит,*
- что «их руками можно делать что угодно».*

И так же, как случилось уже прежде, когда он без слов, одним лишь отчаянным и безмерным, подстегнутым болью желаньем достучался до неведомого заступника и вырвал себя из темницы, сейчас он снова беззвучно то ли взмолился, то ли повелел: «Отдай мне их! Пусть они будут моими!»

И стало по слову его.

Глава 5

Учитель сказал:

— Итак, Кельдинги всенародно объявили, что молодой Хардинг, наследник престола, одержим, и посадили на трон Королевства Рагнара, которому триста богов Пантеона якобы сами вручили волшебный меч. Буквальное значение ясно: в здешнем Королевстве произошел переворот и смена династии. Но давайте попытаемся найти иной смысл в этих событиях. Что думаешь ты, Ханс?

— А чего тут толковать-то? — пробасил Ханс, по обыкновению не поднимая глаз — только вместо собственных деревянных башмаков он созерцал сегодня зеленую скатерть с золотыми эльфийскими крапинками. — Что тут толковать? Надо всем в лесу, кто хоть немного магичит, собраться, Остров окружить, Магов за бороды похватать, и у них все тогда и выспросить. Я так думаю.

И, скорчив мрачную гримасу помиравшим от беззвучного смеха товарищам, плюхнулся обратно в кресло. Ханс был самым старшим из семи учеников, и Хитрая Наука давалась ему нелегко.

— Зря смеетесь, — поддержал Ханса Учитель. — Весьма основательное решение проблемы. Наверно, так поступил

бы на нашем месте Александр Македонский. Только Маги, даже взятые за бороду, могут нам бесстыдно лгать. Поэтому давайте попробуем угадать их мысли. Почему они решили поддержать узурпаторов? Что скажешь, Розы?

Розы подняла светлые ресницы, все еще улыбаясь про себя.

— Мне вот что странно... — начала она и замолчала, словно прислушиваясь к ленивому перезвону поварешек в соседнем зале, где Добрые Хозяева, сонные еще после вчерашнего пира, готовились к сегодняшнему.

Отец Розы был печатником, потому она даже в разговоре всегда подолгу и осторожно подбирала слова.

— Мне странно, что Маги с Острова выступили на стороне Власти Силы и против Власти Колдовства. Это выглядит так, словно они сами не уверены в своем искусстве. А Кельдинги... Если я распорю платье, то, прежде чем надеть его, я должна сшить его заново, другими нитками. Если Стакад Кельдинг рассчитывает обойтись без магии Хардингов, значит, он надеется на Магию Острова. Получается, что Кельдинги и Островитяне попросту водят друг друга за нос.

— Разумно, — кивнул Учитель. — Звучит весьма разумно. Ты хочешь что-то добавить, Ульрих?

— Да. — Единственный темноволосый мальчишка в этой компании поднялся и пристально посмотрел на своих товарищей. — Почему вы ни слова не говорите о настоящем короле? Представьте-ка себя на его месте! Вы знаете, что говорят о нем в столице? Я упросил Добрых Хозяев, и они многое разузнали. Кельдинги посадили его в темницу в одном из храмов Смерти! И, готов спорить, заковали в железо. Я думаю, прежде чем рассуждать тут о том о сем, мы должны...

— Освободить принца! — воскликнул Ханс. — Какой вопрос, дружище? Конечно, мы с тобой!

— Постоите! — крикнула с дальнего конца стола Хильда; две толстых косы то и дело падали ей на грудь, и она в досаде отбрасывала их за спину. — Ульрих, Ханс, вы опять? Я же говорила тебе не раз, что Власть Магии уходит в прошлое. А Стакад пыгается управлять Королевством человеческими силами и разумением, не прикасаясь к Мечу Шелама. И другого пути нет! Это наше будущее, и мы не можем закрывать на него глаза!

— Ты-то не можешь, это точно, — парировал Ульрих. — А я, как закрою глаза, сразу вижу парнишку, что сидит в темнице и кричит от боли.

— Хорошо, если тебя не разрубят на кусочки в храме Смерти и ты освободишь своего наследника, чего ты этим добьешься? Смуты в Королевстве? Заставишь воевать друг против друга Магию и человеческий разум? Прошлое и будущее? Тогда чем ты лучше Островных Магов?

— «Ах, ну почему наши дела так унылы?» — пробормотал Учитель себе под нос то ли печально, то ли насмешливо.

За стеной кто-то из эльфийских поваров забарабанил половником по кастрюле, требуя тишины. С тех пор как в гости в Холм явился Учитель со своей пестрой компанией, жизнь здесь стала гораздо суматошней, чем прежде. Вот и сейчас перепуганный громкими голосами паук-фонарщик бегал по стене. Полый кристалл горного хрусталя со свечой внутри покачивался на его спине, пятно света то блуждало по потолку, оплетенному корнями, то по разгоряченным лицам ребят. Только вот лица Учителя эльфийский свет никак не мог поймать. Приходилось довольствоваться пестрой шапочкой и смуглыми ладонями. Наконец Учитель постучал пальцем по столу.

— Хватит, полководцы мои. Довольно. Я уже понял, что вы умеете судить о делах людей. Но почему никто не

попытался посмотреть на эту историю глазами Шелама? Если верить Ульриху, а у нас пока нет причин сомневаться в его словах, принца Кольска не убили. Его остригли и поместили в темницу. В подземную темницу. Не так ли, Ульрих?

Защитник свободы кивнул.

— А теперь подумаем, почему Кельдинги поступили именно так? Никаких разумных причин я не могу придумать. Свергнутых королей убивают немедленно, причем лучше истребить и всю семью. Так безопаснее. Тогда почему Кельдинги нарушают все правила? Вам не кажется, что перед нами ритуал?

— Похороны? — спросила Роза осторожно.

— Ага, мне так тоже кажется. Только хоронят живого. Что это?

— Обряд посвящения, — ответили ребята хором.

— А почему Кельдинги совершили этот обряд над Кольдскегом?

— Если бы они убили наследника, то мертвец не дал бы им покоя, — сказала задумчиво Хильда. — Но если они отправят его живым за Меч Шелама, он будет бессилен и в том, и в этом мире.

— Хорошая мысль. А еще?

— А еще они надеются, что по закону Шелама взамен Кольска из-за Меча придет его двойник. Двойник с огромной магической силой, но беспомощный в этом мире. И Кельдинги с Островными Магами смогут им управлять, — продолжил Ульрих.

— Но ведь Кольск — оборотень, он носит своего двойника-волка в себе, — возразила Роза. — Значит, из-за Меча придет кто-то другой? Так? — Она повернулась к Учителю.

Ответить он не успел.

Стены Холма вдруг задрожали, закрипели потревоженные деревья. В кухне разом взвыли зеленые эльфийские псы.

Потом один из склонов натужно охнув, раздался в стороны. Через все залы полетел жгучий солнечный свет, а вслед за ним в проем стали прыгать воины в звериных шкурах.

Заспанные Добрые Хозяева повыскакивали из своих комнат — кто с мечом, кто просто с длинным кнутом — и ринулись на незваных гостей.

Дети по знаку Учителя попрятались под стол. Учитель, ругаясь вполголоса, рылся в своей дорожной сумке.

Несколько эльфов, встретившись с клинками захватчиков, упали, пачкая пол и стены голубой кровью. Остальные отступали к огромному очагу посреди пиршественного зала, в котором, поджаривая оленью ногу, весело полыхало белое пламя. Звездные эльфийские мечи плавились и изгибались под лучами солнца.

— У них живое железо! Оно убивает! — крикнул кто-то. — Вверх! Все вверх!

Эльфы, уворачиваясь от смертоносных мечей, прыгали в очаг и вылетали по трубе из Холма. Полуденное солнце, разумеется, лишало их прежнего облика, но тени их могли уйти за Меч Шелама и вернуться потом в старом или новом обличье. Тогда как живое железо лишало их не только жизни, но и памяти о Законах Шелама, и превращало их просто в ветер, дождь или в росу на траве.

— Спасайся, Дудочник! — кричали те, кому удалось взлететь. — Убегай, Дудочник! Встретимся на той стороне!

Учитель наконец выудил со дна сумки кожаный мешочек, из мешочка — серебряную монету и бросил ее в стену, сказав:

— Возьми плату, пропусти нас!

Стена послушно разошлась, открывая темный тоннель. Ребята стали поспешно выбираться из-под стола. Учитель

подхватил под мышки Розы, запутавшуюся в стульях, выгнул на середину зала и приказал:

— Ребята, быстро, без разговоров уходим! Друг друга не ждать. Встретимся на той стороне.

Ученики, привыкшие к подобным путешествиям, подчинились. Они позволили себе лишь оглянуться на пороге тоннеля, но Учитель нетерпеливо стукнул кулаком по столу, и дети безропотно исчезли во мраке.

Захватчики прорвались сквозь редеющий заслон эльфов и бросились в следующий зал. Туда, где еще недавно Учитель с детьми беседовали о судьбах Королевства.

Учитель с мечом наперевес поджидал вояк у входа в тоннель. Станный это был меч — не железный, а каменный, обшитый по лезвию обсидиановыми пластинами. Но у нападавших не было ни малейшего желания, да, впрочем, и времени, чтобы его рассматривать. Фехтовал Дудочник хорошо, но и самый искусный боец на его месте смог бы только потянуть время. Он остался в Холме один против всех, а лаз за его спиной медленно смыкался.

Глава 6

Они бежали через лес, и Десси гадала: с кем наперегонки — с солдатами или с дождем? Радка, разумеется, то и дело поскользывалась, оступалась, но ныть не смела и только тихо ойкала, когда Десси резко дергала ее за руку, удерживая от очередного падения.

Шеламка сыта была деревенской жизнью выше горла. Разогнать сейчас солдат. Сунуть Радку на руки матери и отчиму, и — поминай, как звали. Лучше, право слово, в лесу куковать.

Дождь поспел первым. Весело забарабанил по их спинам, намочил головы, рубахи и юбки; потом тучу разорвало ветром, в просвет глянуло солнце, заиграло в каждой капле, на листьях. На траве рассыпало тысячи тысяч маленьких радуг. Только бежать стало еще труднее: корни, хвоя, подлесок и даже собственные башмаки — все превратилось в ловушки. Все готово сбить с ног, хлестнуть по лицу, обдать пригоршней холодной воды.

И все же Десси была достаточно зла для того, чтоб они успели.

Дождь зарядил вновь, побежал по земле ручьями. Когда женщина и девочка выползли на пригорок, то увидели

внизу змеящуюся дорогу и вынырывающий из-за поворота насквозь промокший отряд.

Десси быстро сосчитала всадников. Десяток. Все правильно. На одну деревню больше и не нужно.

Ладно, посмотрим, что они с Радкой могут сделать против десятка королевских конников. Кое-что могут, если взяться за дело со всей серьезностью.

На вершине пригорка красовалась пирамида серых камней. Ради нее-то и тащила Десси Радку через весь лес. Сложена пирамида кое-как, на живую нитку, и чтобы порушить ее, достаточно хорошего толчка.

Правда, этот подарок люди из крепости готовили для чужан — ну да что теперь!

— Радка, навались!

Они прижались спинами к холодным камням. Уперлись каблуками в мокрую скользкую землю.

— Ну, разом!

Камни с грохотом покатались вниз, на дорогу, под ноги людям и под копыта лошадям. Конные и пешие в испуге отпрянули.

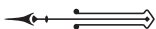
Десси не стала ожидать продолжения и потащила Радку назад, в лес.

Нырнула в густой ольшаник, повалилась на землю, покрепче прижала к себе Радку.

Как она и рассчитывала, всадники выждали немного и, не услышав больше ни звука, поскакали на разведку.

Когда из засады стреляют — это страшно. Когда швыряются камнями — это оскорбительно.

Десси надеялась отвлечь четверых, а то и пятерых из отряда. А те, кто останется на дороге, ни о чем, кроме опасности из леса, думать не смогут. Да еще и дождь. Если кто-то из пленников собрался бежать — лучшего момента не придумаешь.

Стук копыт, скрип седел, ругань. Радка снова впилась от ужаса зубами в Дессину ладонь. «Если вздумает зареветь, так я ей и нос заткну», — решила шеламка. Но обошлось. Конники покрутились на пригорке, никого не увидели, а в лес сунуться побоялись.

Когда все стихло, сестры выползли из убежища, поднялись к разваленной пирамиде и глянули на дорогу. Люди так и брели сквозь дождь, а всадники погоняли их дrevками алебард.

А в лесу было тихо. Не трещали предательски сучья, не чавкала земля, не хлопали по мокрой одежде листья. Никто не убегал. Не прятался. Вольная деревня вся разом решила, что чужане и Шелам страшней неволи.

— Ну что, довольна? — спросила Десси. — Я все сделала, как ты просила. Теперь слезай на дорогу и дуй до Купели. Ворота они до вечера не закроют, а если и закроют — все равно в стене лазов хоть отбавляй. Разыщешь там мать с Мартом.

— А ты что ж, не со мной?

— Я к городу близко не подойду. Очень мне охота раньше времени вокруг столба летать учиться!

— Никуда я не пойду одна, — буркнула Радка, села на мокрую траву и наконец разревелась.

Глава 7

Дождь снова утих. Десси увела сестру дальше от дороги, забралась в ельник, наломала мертвых сухих веток, развела костер. (Без ножа и кремня она в лес не совалась.)

Скинули одежду, развесили над огнем. Сами побегали вокруг костра, согрелись. (Посулил отчим падчерице, что она будет голышом плясать — вот и сбылось.)

Радка помалкивала и покорно все исполняла. Впрочем, Десси убедилась уже, что младшая сестрица — тот еще терев: сидит себе тихонько, а потом как порх!

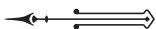
Обсушились немного и вернулись в деревню. Пожар залило, и теперь над пепелищем поднимался только светлый пар.

Десси оставила Радку горевать у обгорелого сруба родной избы, а сама пошла мародерствовать по погребам. Все, спасибо Шеламу, прогореть не успело.

Набила две корзины всякой снеди: мясо копченое, хлеб, грибы опять же, нашла целый, не треснувший даже горшок.

Радка, обнаружив, что козочек не пожгли, а также забрали в город, несколько утешилась.

Десси вручила ей корзину и велела:

— Пошли.

— Куда ж мы теперь? — вяло поинтересовалась Радка.

Десси усмехнулась:

— В лес, куда же еще?! Заберемся в безопасное место, поедим, отдохнем. Подумаем, где ночевать. А потом видно будет.

Радка пожала плечами и покорно побрела вслед за шеплашкой.

* * *

«Безопасным местом» Десси сочла Вью — лесную речку. Деревья ближе к реке редели, и вдоль воды тянулись пологие холмы, заросшие душистым разнотравьем.

«Молоко, верно, отсюда хорошее, жирное», — подумала Радка и снова чуть не заплакала — до того тоскливо стало. Где то молоко?!

Да и больно тихо тут было. Не по-хорошему тихо. Не трещали кузнечики, не поднимались с воды птицы. Даже ястреба кружили ближе к опушке леса, старались не полетать к реке.

Десси, однако, ничего не опасаясь, вновь развела огонь, зачерпнула воды, соорудила похлебку. Остудила немного. Поели, прихлебывая по очереди из горшка. Мясо Десси поделила на три части, одну бросила через левое плечо в траву.

От еды Радку разморило, она стала задремывать. Десси вытерла руки листом мать-и-мачехи, села, обняв колени, и призадумалась. Ее бы воля, она прямо здесь и осталась бы ночевать. Как говорится, под шапкой. Место тут тихое, спокойное. Сделать сейчас нодью, небольшую — только чтоб от комаров защититься, — и славно! Ночи еще не холодные. Так ведь сестрица! Напугается, не захочет под звездами спать.

Можно, конечно, в охотничью избушку уйти. До темноты дойдем. Так ведь это надо у хозяев лесных на постой проситься — опять же Радку пугать!

Так ничего и не надумав, Десси досадливо тряхнула головой и встала. Радка немедленно проснулась:

- Ты куда?
- Вернусь скоро.
- Когда скоро?
- Ох, будет мне нынче покой?!
- Куда ты?!
- Ну пошли вместе, горе мое.

* * *

Соседний холм венчало кольцо серых обтесанных камней. Внутри кольца земля просела, будто туда ступил великан. Чуть ниже, на склоне, еще один ряд камней окружал неглубокую, заросшую травой впадину. Радка настороженно зыркала по сторонам.

— Здесь что прежде было? — спросила она.

— Хутор какой-то... — отозвалась Десси. — Вот здесь — дома остатки, тут вроде погреб, на том холме, видишь, ступенями, — огород.

— А почему отсюда люди ушли?

— А я знаю? Только теперь тут — Дом Голосов. Место такое, откуда весь лес слышен. Вот я и хочу узнать, где что творится. Ты наверху посидишь или голоса слушать будешь?

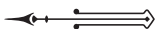
— Буду, — храбро сказала Радка.

— Ладно, тогда спускайся вниз и ложись.

— Глаза надо закрыть?

— Рот закрой. А с глазами делай, что хочешь.

И Десси растянулась на траве, глядя в золотое закатное небо. Рядом примостилась Радка.

Поначалу Радка не слышала ничего — только ветер гудел в траве. Потом различила, как, тихонько причмокивая, лижет берег река. Потом лес, потревоженный вечерним ветром: протяжный хвойный гул, разноголосая болтовня листьев, перестук сбитых наземь дождевых капель, скрип поваленной сосны — она уже не первый год все не могла умереть, падала, цеплялась за своих соседок и кричала в ужасе всякий раз, когда ветер пытался подправить дело — уложить ее на мох, в дурманную и беспмятную болотную сырость.

Потом холм обступили иные звуки: испуганный свист маленьких крыльев, шорох белчих коготков, сосредоточенное пыхтение крота, шелест иголок под муравьиными лапами.

А потом до холма добрался, дополз хриплый сбивчивый голос флейты. Вовсе странный и неуместный в лесу, он взвизгивал, прерывался, но вновь упрямо начинал выговаривать все те же ноты, но так и не мог довести мелодию до конца.

Десси нахмурилась, потеряла лоб, потом тихонько запела:

*Любви хорош один глоток,
Не стоит пить до дна.
У песни тысячи дорог,
Мелодия — одна.*

И Радка изумилась: песня была, несомненно, та самая, но сейчас слова говорили об одном, а музыка — совсем о другом.

Десси меж тем вскочила на ноги и велела:

— Собирайся.

— А что случилось?

— Там разберемся. Похоже, один... хм-м... человек влип в очень скверную историю и зовет на помощь.

— Нас?

— Кого придется. Пошли, посмотрим, что там стряслось. Чтoб Дудочник помощи запросил... Н-да, дожили!

Глава 8

Десси торопилась — ей вовсе не хотелось бегать по лесу в темноте. Радка плелась сзади. Теперь они уходили от поймы реки, то и дело огибая болотца с торчащими из желтой травы мертвыми остовами берез, шагали по кочкам, раздвигая сухую осоку, пробирались сквозь заросли ольховника. Радка глотала слезы. Хоть им и не встретилось пока ни одно чудище, лес все равно был ужасен — безликий, безымянный, пустой. Он заманивал, заводил их все глубже, и Радка уже не верила, что когда-нибудь выберется отсюда.

Десси, как и полагается ведьме, почувяла ее страх и спросила, не оборачиваясь:

— Ну что, хочешь в город?

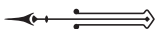
— Угу.

— Вот, давно бы так-то. Ладно, теперь жди до завтра. Утром выведу на дорогу.

Радка не знала, верить сестре или нет.

* * *

Солнечный свет оставался лишь на вершинах деревьев, когда Десси с Радкой добрались до четырех стоящих в густом

ельнике невысоких холмов. Потом ночь выплеснулась из-под корней, затопила лес, и ближний холм беззвучно прорезала широкая черная трещина, а Радка вновь услышала невнятный голос флейты. На звук они и пошли. У самого входа в холм Десси сняла с пояса нож и воткнула лезвием в землю, после чего не колеблясь нырнула в черный проем. Радка — за ней.

— Ты пауков не боишься? — спросила вдруг Десси.

— Нет, а что?

— *Сыжлок*.

— Что?

Забрезжил голубоватый свет, и Радка отчаянно взвизнула. Пауков она действительно не боялась. Пауков, а не восьминогих тварей размером с ладонь, с синими фонариками на спине.

Впрочем, страх мгновенно прошел — слишком удивительным было все вокруг: зеленые занавеси, расшитые мерцающими золотыми крапинками; ковры с диковинными цветами, игрушечные тарелочки, кубки; медные котелки, в беспорядке разбросанные по полу; маленькие, сплошь покрытые резьбой скамейки и кресла; тонкие, как паутинка, разноцветные плащи, втоптаннные в пол. И повсюду — какие-то синие лужицы, будто крошечные озера.

— Н-да, дожили, — вздохнула Десси. — Это что ж получается, кто-то на холм напал и всех Добрых Хозяев перебил? Хоть глазам своим не верь!

* * *

Во втором зале они нашли тот же разгром. Только стол и переломанные скамьи побольше — обычных человеческих размеров. От дверей к стене тянулась неровная бурая полоса. Десси опустилась на корточки, заглянула под стол. Ничего.

СОДЕРЖАНИЕ

УМРИ, ВЕДЬМА!

ПРОЛОГ

Лето. Страсть.....	8
Осень. Власть.....	11
Зима. Страх.....	20
Весна. Прах.....	24

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЛЫЙ ЗАМОК. ЛЕТО

Глава 1.....	37
Глава 2.....	41
Глава 3.....	51
Глава 4.....	55
Глава 5.....	64
Глава 6.....	70
Глава 7.....	73
Глава 8.....	77
Глава 9.....	84
Глава 10.....	89
Глава 11.....	96
Глава 12.....	100
Глава 13.....	108
Глава 14.....	113
Глава 15.....	116
Глава 16.....	129

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ. ОСЕНЬ

Глава 17.....	135
Глава 18.....	140
Глава 19.....	148
Глава 20.....	152
Глава 21.....	157

Глава 22	161
Глава 23	166
Глава 24	169
Глава 25	173
Глава 26	176
Глава 27	183
Глава 28	190
Глава 29	196
Глава 30	202
Глава 31	208
Глава 32	213
Глава 33	224

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БЕЛАЯ ДОРОГА. ЗИМА

Глава 34	229
Глава 35	236
Глава 36	240
Глава 37	244
Глава 38	245
Глава 39	257
Глава 40	263
Глава 41	268
Глава 42	272
Глава 43	279
Глава 44	283
Глава 45	287
Глава 46	290
Глава 47	296
Глава 48	300
Глава 49	304
Глава 50	308

ЭПИЛОГ

Перепутья. Весна	316
------------------------	-----

НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

ПРОЛОГ

Весна. Перепутья.....	324
-----------------------	-----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕСЯЦ СБОРА ВАЛЕЖНИКА. «ГОРШОК И ПОДКОВА»

Глава 1.....	331
Глава 2.....	337
Глава 3.....	346
Глава 4.....	352
Глава 5.....	357
Глава 6.....	364
Глава 7.....	368
Глава 8.....	374

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕСЯЦ ПАХОТЫ. ДОЖДЕВОЙ КАМЕНЬ

Глава 9.....	391
Глава 10.....	399
Глава 11.....	409
Глава 12.....	414
Глава 13.....	422
Глава 14.....	431
Глава 15.....	435
Глава 16.....	438
Глава 17.....	442
Глава 18.....	451
Глава 19.....	455
Глава 20.....	466
Глава 21.....	473
Глава 22.....	485
Глава 23.....	494

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЕСЯЦ ТРАВЫ. «ВАЛИ СЮДА!»

Глава 24	499
Глава 25	506
Глава 26	521
Глава 27	528
Глава 28	538
Глава 29	541
Глава 30	554
Глава 31	569
Глава 32	571
Глава 33	576
Глава 34	585
Глава 35	593
Глава 36	596
Глава 37	604

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МЕСЯЦ НАЧАЛА ОХОТЫ. НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

Глава 38	615
Глава 39	622
Глава 40	627
Глава 41	630
Глава 42	640
Глава 43	649
Глава 44	660
Глава 45	666
Глава 46	670
Глава 47	675
Глава 48	677
Глава 49	689
Глава 50	697

Глава 51	708
Глава 52	722
Глава 53	736
Глава 54	748
Глава 55	758
Глава 56	762

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МЕСЯЦ СТРИЖКИ ОВЕЦ. КОЛДОВСКАЯ НОЧЬ

Глава 57	777
Глава 58	783
Глава 59	787
Глава 60	795
Глава 61	800
Глава 62	808
Глава 63	816
Глава 64	825
Глава 65	833
Глава 66	841

ЭПИЛОГ

Лето. О свершении времен	848
--------------------------------	-----

Елена Первушина

НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

Ответственный редактор И. Эльтеррус

Редактор Е. Калениченко

Корректор И. Лебелева

Компьютерная верстка С. Новиков

Подписано в печать 05.07.2019

Формат 84 × 108/32. Усл. печ. л. 45,36

Бумага писчая. Гарнитура «GaramondNarrow»

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО ИД «Флюид ФриФлай»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2

тел. +7 (985) 8000 366

fluidfreefly.ru

e-mail: info@fluidfreefly.ru

fiction@fluidfreefly.ru

Интернет-магазин: gorodets.ru

Елена Перушина родилась в 1972 году в Ленинграде. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Фантастику пишет с 1989 года. Лауреат литературных премий: «Дверь в лето», имени А. Р. Беляева, «Балткон-2009».

Далеко не всегда по-настоящему близкими являются близкие по крови, чаще таковыми становятся близкие по духу. Однажды в стране, которой много лет правили короли-маги, их власть рухнула и воцарился хаос. Спасая свою жизнь, несколько человек случайно оказались в провинциальном замке, желая найти безопасное укрытие. Они по-разному относились друг к другу, но постепенно осознали простую истину: выжить они могут только вместе. Только отбросив старые предубеждения и научившись подставлять другим не подножки, а плечо. Каждому пришлось чем-то пожертвовать, чтобы найти свою дорогу в новом мире и понять, что эта дорога — общая, одна на всех.

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906827-37-1

9 785906 827371